

СУРОВАЯ ПРАВДА

Александр ЧАКОВСКИЙ

В № 11 журнала «Новый мир» опубликован хороший, названный почему-то «очерком», рассказ В. Тендрякова «Падение Ивана Чупрова». Небольшое по размеру, произведение это имеет, кажется мне, принципиальное значение для нашей литературы.

Конфликты и противоречия нашего общественного бытия, изображаемые многими авторами (о произведениях «бесконфликтных» я уже не говорю), часто вызывают у наших читателей чувство неудовлетворенности. Иной раз создается впечатление, что изображаемые конфликты происходят не среди «грешных» смертных, а в коллективе ангелов. С этой ангельской точки зрения любое отклонение от райских норм может, наверное, служить поводом для страстных и многозначительных дебатов — положение обязывает. Советские люди, передовые по своей общественной сущности, — все же люди, которым не чуждо ничто человеческое, люди во плоти и крови. Поэтому они не верят романам и пьесам, в которых жена бросает мужа из-за того, что муж чего-то «не дотянул» по производственной линии, или коллектив подвергает жесточайшему ostrакизму своего товарища за то, что он не сразу разобрался в новаторском характере такого-то, а не иного способа обработки деталей.

В нашем стремительно развивающемся обществе есть конфликты реальные, конфликты, рожденные причинами объективными — нашим движением вперед, нашими внутренними недостатками, а также существующим еще капиталистическим миром. Из-за таких конфликтов стоит ломать литературные копы. И сладеньким сюсюканьем здесь не обойдешься. Действующими лицами таких конфликтов выступают не ангел голубой и ангел розовый, а стяжатель, вор, шпион, лицемер, бюрократ, с одной стороны, и честные советские люди — с другой. Здесь уж конфликт развивается всерьез, здесь решаются судьбы не литературных «гомункулов», а живых, дорогих нам людей.

Главным действующим лицом очерка В. Тендрякова является председатель зажиточного колхоза «Красная заря» Иван Марьялович Чупров. Нет, его падение заключается не в том, что он недооценил тот или иной способ посева той или иной сельскохозяйственной культуры, хотя желательно, конечно, чтобы ни один председатель колхоза подобных ошибок не делал. В данном случае речь идет о более важном, решающем для судьбы человека. Сколько раз встречали мы в жизни таких вот людей: сильных, крижистых, «себе на уме», «с размахом»... Все идет, как по маслу. Он имеет нужных «друзей» и умеет выбирать их. У него безошибочный нюх на «нужного человека». О нет, не «для себя» старается он, а для своего завода, своего колхоза, своего магазина... Он пренебрегает безналичным расчетом, — разве таким способом добудешь дефицитный материал! Он не любит «казенной» обстановки — в ресторане или «забегаловке» легче договориться с нужным человеком. Он «умеет работать», умеет «ладить с людьми»... И поэтому на его складах лежат приготовленные «впрок» кровельное железо, стекло, стройматериалы, дозарезу нужные другому предприятию, чьи работники действуют по закону, в соответствии с нормами нашего общества, интересами государства.

Да, такой тип не выдуман писателем. Он взят им из жизни. Кое-кто может ска-

зать: подумаешь, обыкновенный жулик, нашли «социальное явление»... Нет, не просто жулик. В глазах многих людей такой тип имеет репутацию крепкого, делового, хозяйственного человека, человека «с обаянием». А он, этот тип, опасен. Опасен потому, что — объективно или субъективно — пытается возродить капиталистические нравы, чуждые нам методы работы, отношения с людьми. Срывать маски с таких людей надо всюду, где они встречаются.

Однако вернемся к Ивану Чупрову. Субъективно председатель «Красной зари» считает себя человеком советским и отличным руководителем колхоза. Он «комбинатор». Зная, что государство за шкурки чернобурых лис снижает нормы мясопоставок, Чупров разводит этих зверьков (благо они с охотой едят тухлое мясо). «Нужному человеку» — экспедитору строительства станкозавода — Чупров устраивает пир на колхозный счет. И «гость» обещает достать дефицитное трубчатое железо. Один только «уговорец»: платить наличными. Никаких расписок, никаких счетов. Но вот нужны другие трубы, на этот раз для колхозной теплицы. Чупров едет в город. Пропивает в ресторане несколько тысяч колхозных денег с «нужными людьми». Трубы получены...

И кто посетует, кто обратит внимание на то, что из «вырванного» в сельхознабе кровельного железа Чупров берет какое-то количество для своей собственной крыши?..

Но нет, видят, обращают внимание. Видит бухгалтер — тихонький старичок, «воды не замутит»; видит и молчит, чтобы потом взять Чупрова в железные тиски, заставить его стать сознательным общником в жульнических делах.

Видит парторг, видит дочь Чупрова, видят колхозники, все яснее понимающие, что идет Чупров по чужому пути.

От парторга Чупров отмахивается: молод меня учить. От дочери тоже: или, милуйся со своим Алексеем (так зовут парторга)... А другие...

Здесь В. Тендряков, следуя правде жизни, идет путем наибольшего сопротивления. Как поступил бы иной автор в ситуации, аналогичной описанной?

Собрал бы парторганализацию. Потом правление колхоза. Прочитировал бы десяток правильных речей, которые за него и его героев мог бы с успехом произнести и сам читатель. Председатель бы покался и пошел работать бригадиром или рядовым колхозником... Если бы в жизни было все так же просто!..

У В. Тендрякова показано иначе. Когда Чупрову становится известно, что о нем начинают поговаривать, когда парторг «с неожиданной для него жесткостью» говорит Чупрову: «Партийной совести у тебя нет!», — Чупров является в кантору правления...

— Так вот, дорогие товарищи колхозники, — сурово начал Чупров, — много раз обижали меня несознательные элементы. Но это было в начале, так сказать, нашей общей жизни. Уж я бы должен авторитет зарабатывать. Ан нет. На днях были пущены грязные слухи. Повторять их здесь? Сами разносили, знаете... Скупаю ворованное, пьянствую!..

Вон как обернулось дело! Сам же Чупров выступает обвинителем своих крити-

ков. И людям трудно пока еще разобраться в истинном положении вещей. Чупрова они знают как толкового хозяина. Под его руководством пришли они к зажиточной жизни. Выпивает?.. Случается. Зато хватка есть, все для колхоза достанется... И настроения собравшихся резко меняется в пользу Чупрова.

Как это нередко случается в жизни, правда торжествует здесь не сразу. Не сразу начинает сознавать, в какое он идет болото, и сам Чупров.

А когда понимает, то видит, что уже поздно. Все больше засасывает Чупрова болото лжи и темных дел. От него отходят люди. Он остается один, один с бухгалтером Никодимом. «Оба нуждались друг в друге, но ненавидели один другого. Смертельно ненавидели!».

Алексей едет посоветоваться к уважаемому Чупровым человеку, бывшему парторгу колхоза «Красная зари» Бессонову, — ныне он председатель другого колхоза...

И тут для тех, кто знает жизнь лишь понаслышке да по легковесным, блестящим от лака произведениям, закономерен вопрос: «Почему Алексей — ведь он же парторг — до сих пор не принял решительных мер по отношению к Чупрову? Не искажает ли автор роль партии?..».

Наша партия состоит из многих людей разного опыта. Эти люди действуют в различных, часто очень сложных ситуациях. Требовать от литератора, чтобы в каждом отдельном произведении каждый данный работник партии в любой ситуации действовал бы так же точно, безошибочно, как действует вся партия в решении коренных, главных вопросов, значит идти против правды, против жизненной практики.

Алексей высказал Чупрову всю горькую правду. Но положение было сложным. Колхозники тогда не поддержали Алексея. Сам парторг еще молод, а Чупров — человек известный, авторитетный. Нет, не так все просто в колхозе «Красная зари»...

Но теперь (да, несколько позже, чем требовалось!) Алексей едет к Бессонову. Вместе они направляются в райком и выкладывают всю горькую правду о Чупрове...

И вот Бессонов, старый друг Чупрова, приезжает в «Красную зарю»... Приходит в дом к Чупрову.

«— Поговорить хочу, — говорит Бессонов. — Одним нам остаться или как?..»

...Молчал за столом Чупров, молчал Бессонов, молча стоял в стороне Алексей, текли слезы по лицу Раи. Что говорить — все было ясно!».

Так кончается этот хороший, правдивый очерк-рассказ.

Писатель показал силу советского коллектива не как нечто отвлеченное, а через логику (иной раз противоречивую, на первый взгляд) поведения самых различных его членов, не путем дидактики, а на живой жизненной ткани показал, как советский коллектив «выпирает» тело, ставшее инородным.

Писатель сжато и вместе с тем впечатляюще, волнующе показал, как происходит падение хорошего некогда человека, в котором пережитки капитализма взяли верх.

Правда жизни не только прекрасна. Она бывает и суровой. И показывать эту правду — долг советского писателя. Выполняя этот благородный долг, писатель учит и предостерегает.